

© 1998 г.

О.Н. яницкий

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В "ПЕРЕХОДНОМ" ОБЩЕСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ

ЯНИЦКИЙ Олег Николаевич - доктор философских наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

Введение

Цель настоящей статьи - попытка построения частичной теории возникновения и воспроизводства социального движения в критических условиях социетальной трансформации. Частичной я назвал ее потому, что речь пойдет лишь об одном типе "новых" социальных движений - экологическом. Его специфика заключена в его тесной связи с интеллектуальной средой российского общества, а также в его зависимости от особой сферы научного производства - производства и распространения в обществе экологического знания.

Историческая уникальность и чрезвычайная социальная интенсивность российского переходного периода оставляет мало надежд на возможность непосредственного использования теоретического арсенала западной социологии, о чем, в частности, свидетельствует детальный анализ созданных ею парадигм социальных движений, проведенный Е. Здравомысловой [1]. Западные исследователи, за исключением неомарксистов, предпочитают говорить о развитии или же поддержании и сохранении (maintenance), нежели о производстве и воспроизводстве социальных движений. В российской социологии эта проблема пока еще даже не ставилась.

Методология

Избранная мною методология может быть названа социально-исторической по нескольким причинам. Вслед за И. Валлерстайном я полагаю, что эволюция обществ должна трактоваться как возникновение и угасание исторических систем [2]. Что социальные движения не только возникают в обществе, но и "производят", трансформируют его. Что эти движения при определенных условиях не только изменяют его институциональную и организационную структуру, но и могут воздействовать на его исторически сформировавшееся нормативно-ценностное ядро - доминирующую социальную парадигму. Наконец, как будет показано ниже, социальные движения, в частности экологические движения, посредством создаваемых ими транснациональных информационных и других ресурсных структур, могут оказывать влияние на ход исторического процесса в целом.

Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 97-03-04060. Автор благодарит А.С. Ахизера, А.Б. Гофмана, В.Д. Шапиро и В.А. Ядова за ценные замечания при ее подготовке.

Одновременно избранная мною методология является контекстуальной (средовой), поскольку фокусом моего теоретического интереса будут многосторонние и многоуровневые взаимоотношения данного коллективного социального актора! с многообразием контекстов - локальных и глобальных, дружеских и враждебных, ресурсообеспечивающих и ресурсопоглощающих. Методологически существенно, что контекст трактуется не как аморфная и неподвижная среда, но как совокупность других акторов и их связей, являющихся средой лишь по отношению к изучаемому социальному актору.

Воспроизводственная методология означает, что движение рассматривается как специфический (сетевой) социальный организм, способный устойчиво воспроизводить себя во времени и пространстве. Сетевой социальный субъект - это пространственно дисперсный коллективный актор, элементы которого интегрируются и воспроизводятся посредством коммуникационных и других ресурсных сетей. Информация - основной ресурс и продукт деятельности данного социального актора. Что существуют регуляторы, технологии и ресурсы этого производства. Что, как уже отмечалось, общество и движение взаимно воспроизводят друг друга.

Наконец, историчность подхода состоит в том, что способ производства и воспроизводства движения эволюционирует в ходе смены фаз новейшей российской истории. Вторичный анализ исторической и социологической литературы, а также мои собственные эмпирические исследования в течение последнего десятилетия позволили выделить несколько основных фаз этой истории: (1) поздний бюрократический социализм (первая половина 1980-х годов), (2) либерализирующийся государственный социализм (1985-88), (3) период демократической "волны" (1989-91) и строительство общества дикого капитализма (начиная с 1992 года). Критериями для их выделения были трансформация господствующей идеологии, разрушение ядра политической системы, изменение форм собственности, эволюция взаимоотношений гражданского общества с государственной системой и изменение расстановки главных социальных сил общества на политической арене, в том числе и по отношению к экологическим проблемам.

Элементы воспроизводственной концепции движения

Воспроизводство социального движения не может быть сведено к периодической мобилизации ресурсов, хотя этот процесс составляет существенный момент изучаемого механизма. Вне зависимости от того, что именно "производит" социальное движение - социальные действия, общественное мнение или собственное организационное ядро, его производство обычно проходит все нормальные стадии процесса социального производства. Утверждая это, я не отождествляю его модель с марксистской или иной концепцией производства товаров или услуг, хотя здесь есть некоторые общие моменты. Я только считаю, что в воспроизводстве социальных движений есть определенные закономерности.

В целом можно утверждать, что сначала общество инициирует, порождает социальное движение, а затем оно, если существует достаточно долго, начинает "производить" общественные изменения. В условиях "переходных", быстро изменяющихся обществ роль социальных движений существенно возрастает. Конечно, способ этого производства серьезно зависит от фазы "переходного" периода, и прежде всего от характера взаимоотношений государства и гражданского общества. Однако, это отнюдь не означает, что эволюция способа производства экологического движения просто следует за фазами трансформаций государственного социализма. Как и всякому социальному движению, экологическому движению присуща внутренняя логика сохранения - логика самопроизводства.

В условиях пост-тоталитарного общества экологическая озабоченность населения, его высокая концентрация в месте возникновения экологической опасности и даже очевидная угроза его здоровью и самой жизни играют определенную, но не решающую роль в возникновении экологических движений. Когда преемственность с движе-

ниями прошлого прервана господствующим режимом, а защита природы была запретной темой публичного дискурса, это движение может возникнуть лишь в случае наличия *порождающей среды*, то есть среды, систематически воспроизводящей группы активистов. Это одновременно обучающая и просвещающая среда, организующая и стимулирующая, снабжающая активистов экологическими знаниями, прививающая им любовь к природе, передающая им практические навыки природоохранной деятельности. Можно сказать, что эта среда выполняет роль ретранслятора *социальной памяти*, и, в частности, *экологической озабоченности* аналогичных движений прошлого. Не менее существенна защитная функция этой среды - от санкций и контроля партийно-государственной машины.

Взаимоотношения движения и среды диалектичны. На стадии формирования движения ее роль - всеобъемлюща. Однако, став на ноги, движение постепенно формирует собственную среду "ресурсов и защиты", которая в конечном счете отторгает и даже может входить в конфликт со своей *alma mater*. Я подчеркиваю роль этого социального феномена, потому что общий контекст поздне-социалистического и "переходного" обществ, по своей сути резистентен и открыто враждебен по отношению к экологическим движениям.

Проблема "отторгающего" контекста широко обсуждается в западной социологии [3], однако в большинстве случаев подобный контекст трактуется как одно из проявлений ограниченной структуры политических возможностей для социального движения [4]. В условиях российского общества подобная интерпретация представляется ограниченной. Согласно выдвинутой ранее нами гипотезе, всякое социальное движение воспроизводится одновременно в трех контекстах - историко-культурном, макро-социальном и ситуативном [5], и контекст может быть квалифицирован как полностью враждебный, если все три его составляющие активно сопротивляются любым про-экологическим изменениям.

Еще два теоретически существенных соображения. Во-первых, каждый из названных уровней не просто "существует" - он имеет собственные механизмы воспроизводства. Во-вторых, воздействие контекста на движение может иметь как сдерживающий, подавляющий, так и иницирующий и мобилизующий характер. Как будет показано далее, чем более наше общество движется в сторону дикого капитализма, тем более контекст становится враждебным по отношению к экологическому движению.

Ценности детерминируют как общее направление, так и детали рассматриваемого воспроизводственного процесса. Ценности формируют цели движения, которые, в свою очередь, определяют его стратегию, тактики и репертуар действий. Цели и ценности постепенно формируют такой важный фактор поддержания устойчивости движения как его *образ*, играющий ключевую роль в самоидентификации его членов. Цели и ценности в конечном счете детерминируют организационную структуру движения, то есть характер его ячеек и их связей. На мой взгляд, ценности, цели и образ движения, будучи менее всего подвержены внешним воздействиям, представляют собой "*ядро*" и "*генетический код*" рассматриваемого репродуктивного процесса.

Однако постепенное изменение этого кода - эмпирически установленный факт. Как же осуществляется подобная трансформация? Взаимоотношения между ключевыми ценностями и целями движения, с одной стороны, и его контекстом - с другой, опосредуются процессами *социальной рефлексии* и *рефлексивности*, осуществляемыми прежде всего движенческой элитой. Следуя интерпретации, предложенной У. Беком, первый представляет собой коллективную рефлексию элиты по поводу изменяющейся ситуации, тогда как второй - реакцию самого движения на результаты и последствия его собственных действий [6]. Коллективная рефлексия и рефлексивность суть главные силы, которые в конечном счете вытесняют старые и производят новые цели и ценности движения.

Для воспроизводства экологического движения как движения "про-активного", то есть не сводящегося к реакции на ситуацию, рефлексия и рефлексивность имеют особое значение. Это воспроизводство имманентно включает рефлексию по поводу

другого вида производства - производства *экологических знаний*. Данное движение как социальный актор возникло и воспроизводится *внутри* системы этого интеллектуального производства. Причем здесь следует различать две стороны этой рефлексии. Одна - это освоение и *социальная интерпретация* теоретического знания. Другая представляет собой социальную интерпретацию *практического* социально-экологического знания, накапливаемого обществом, его отдельными субъектами в ходе их повседневного взаимодействия со средой обитания.

Подобное различие следует ввести и для процессов рефлексивности. С одной стороны, движение постоянно наталкивается на иные, отличные от его собственной, интерпретации экологической ситуации в обществе. Теоретически, структура политических возможностей и есть "*коридор*" *социального действия*, создаваемый этими интерпретациями. С другой, движение, сталкиваясь с политическими и социальными последствиями собственной практики (креативной, протестной или иной), должно вносить коррективы в свою стратегию и тактики. Если движение систематически не рефлегирует по поводу изменяющегося контекста, оно быстро сходит с общественной арены.

Конфигурация взаимодействий движения с тремя обозначенными контекстами уникальна в каждой фазе переходного периода (об этом подробно ниже). Поэтому здесь назовем только те "агрегированные" характеристики контекста, которые существенны с точки зрения воспроизводства движения.

Контекст в рассматриваемый период не просто эволюционировал, он радикально изменялся. К таким переменам я отношу: смену способа производства; разрушение существовавшего социального порядка, раскол общества на модернизирующееся богатое меньшинство и архаизирующееся беднеющее меньшинство; диверсификация общества по многим направлениям одновременно - "переход" не имеет ясно очерченного вектора; национальный контекст трансформировался в глобальный (отсюда, феномен "дистанцирования" контекста, когда движение попадает под воздействие сил, находящихся вне пределов его рефлексивных возможностей). Важно, что многие трансформации контекста генерируют риски в принципе не предсказуемые, не калкулируемые и не имеющие фиксированного источника, то есть *средовые риски*. Подобные риски не могут быть отрефлексированы непосредственно, а лишь при помощи науки, в том числе социальных наук. Научная риск-рефлексия становится необходимым условием выживания движения.

Теперь о контексте движения как *источнике ресурсов* для его воспроизводства." Контекст всякого движения может быть представлен как совокупность "ресурсодателей" (доноров) и "ресурсопотребителей". То есть в каждый момент времени объем ресурсов, которым реально располагает движение, зависит одновременно от характера контекста (дружественный, нейтральный, враждебный) и от способности движения мобилизовать их. Далее, мобилизации ресурсов — не единовременный акт, но постоянный процесс. Социология до сих пор мало обращала внимание на другие стороны процесса воспроизводства движения: аккумуляирования, переработки и распределения ресурсов. Подчеркнем, что по мере развития движения его воспроизводство становится все более *ресурсоемким процессом*. Ресурсы движения *трансформируемы*, скажем, идея может быть "конвертирована" в коллективное действие, деньги или иным способом. Следует различать мобилизацию ресурсов контекста и собственных, внутренних ресурсов движения. По тому, какие ресурсы и каким образом движение мобилизует, можно судить о степени его модернизованности. *Структура политических возможностей* есть существенный ресурс движения. Наконец, обратим внимание на важную особенность контекста "переходного" общества: оно производит весьма специфический вид социальной энергии - *энергию распада* [7].

Два последних соображения требуют пояснений. Представляется, что понятие структуры политических возможностей должно быть генерализовано по нескольким направлениям. Во-первых, структура политических возможностей детерминируется

тремя названными выше контекстами по-разному. Во-вторых, есть смысл ввести понятия экономических, социальных и культурных возможностей. Последние, например, можно определить как русло "культуры", в котором движение может действовать, не подвергая сомнению господствующие в обществе культурные коды и стандарты. В-третьих, специфика "переходного" общества в том и состоит, что коллективные акторы не только движутся в рамках заданных контекстом возможностей, но способны существенно расширять и модифицировать их.

Введение понятия *энергии распада* представляется мне необходимым, так как существующий понятийный аппарат социологии адекватно не схватывает суть средовых трансформаций "переходного" общества. Эмиссия этой социальной энергии не является какой-то формой массовой социальной патологии, а представляет собой непосредственное следствие распада существующего социального порядка, слома привычных форм жизненного уклада. Подобная эмиссия - процесс, противоположный мобилизации ресурсов. В то время, как созидающее социальное действие мобилизует "полезные" ресурсы (организационные структуры, людей, деньги), коллапс как деструктивный процесс есть трансформация названных ресурсов и их носителей в "отходы" (вынужденных мигрантов, безработных, люмпенов и т.п.). В принципе критическая масса подобных людей может консолидироваться в движение. Однако для экологического движения наличие такой средовой энергии означает дополнительное препятствие, поскольку ее носители обычно отличаются негативной экологической установкой.

Рассмотрим теперь преобладающие типы интересующего нас воспроизводственного процесса на различных фазах "переходного" общества.

Тип I: преобладающе внешний

Перед началом перестройки советское общество было относительно стабильно. Однако эта стабильность не означала стагнации социальной жизни. Напротив, это был период интенсивного формирования порождающих сред гражданских инициатив и экологических движений. Мною выявлено шесть типов таких сред: университеты, научные институты, комсомольские организации, творческие союзы, газеты и местные сообщества [8, с. 28-32]. Эти среды выполняли иницирующую, организующую и защитную роль по отношению к формирующимся социальным акторам, а также были источником необходимых ресурсов.

Студенческие инициативы (дружины охраны природы) находились в наиболее выгодной позиции: биологические и почвенные факультеты университетов были их истинными гнездами - преподаватели, библиотеки, постоянный приток экологически ориентированных студентов, нейтральные к ним официальные общественные организации, редкая возможность соединять в своей общественной активности профессиональные и личные интересы. Раз возникнув, эти дружины стали постоянным организационным ядром для сменяющих друг друга потоков экологов.

Я квалифицирую этот тип производства движения как *преобладающе внешний*, поскольку факультеты (как сообщества единомышленников) были одновременно его порождающей средой и "технологией". И хотя мотивы самоорганизации и самоидентификации дружинников очень скоро стали играть важную роль в воспроизводстве этих организаций, все же воздействие порождающей среды было решающим.

В других названных выше средах ситуация могла отличаться, но роль интеллигенции в формировании этих ячеек гражданского общества в порых посттоталитарной системы была ключевой. Особо следует подчеркнуть важность *процессов обмена* знаниями, информацией, профессиональными навыками и *людьми* между официальными организациями и сообществами профессионалов (ученых, архитекторов, журналистов и др.). Этот тип производства движений не был основан на принципе рационального выбора. Советский принцип "любой ценой!" господствовал и здесь, но его мотивация была совершенно иной: активисты стремились реализовать аккумулированный интеллектуальный потенциал - интересы, знания и навыки.

Преобладающим типом социальной рефлексии был альтруизм (стремление сохранить природу вообще) с сильным обертоном гражданственности: "Если не мы, то кто же?". Установка на конкретное дело - организовывать, планировать, защищать, помогать, конструировать - была чрезвычайно сильной.

На этой фазе развития движения мобилизация ресурсов не представляла проблемы. Его главным ресурсом были сами активисты, их силы, время и интеллектуальный потенциал. Были доступны и общественные фонды потребления. То, в чем эоактивисты действительно нуждались, - экологические знания и профессиональные навыки - поставлялись порождающей средой. Скажем резко: накопленный в советском обществе интеллектуальный потенциал *требовал социального действия*. Неудивительно поэтому, что выход социальной энергии на публичную арену начался именно в сферах интеллектуального производства.

Структура политических возможностей была еще весьма ограниченной, однако структура *социальных* возможностей день ото дня расширялась, потому что, с одной стороны, идеи охраны среды обитания все более проникали в массовое сознание, а с другой - интеллектуальная энергия, запертая в бесчисленных НИИ и кафедрах, трансформировалась в общественную активность (клубы, кружки, семинары и другие неформальные организации). Чем более общество становилось открытым, тем сильнее срабатывал эффект мультипликации: формирование, скажем, дружины охраны природы в одном университете было сигналом для возникновения подобных ячеек во многих других. Складывались сети воспроизводства движения.

В этот период гражданские инициативы не имели непосредственных отношений с государством. Формально партийно-государственная машина контролировала все сферы социальной жизни. В действительности же, пространство неконтролируемых "зон" становилось все обширней и разнообразней. Более того, под разными шапками инициативы и движения стали понемногу институционализироваться *внутри* этой машины, однако по характеру и целям деятельности отдаваясь от нее все больше.

Прямые контакты с зелеными организациями за рубежом были невозможны, однако опять же через посредство официальных культурных и научных обменов эти связи налаживались и укреплялись.

Тип II: самоорганизующийся

Хотя историко-культурный контекст в своей основе оставался неизменным, макросоциальный начал постепенно либерализоваться прежде всего политически. Советское общество становилось все более чувствительным к санкциям против гражданских инициатив, нарушениям гражданских прав и загрязнению окружающей среды. Поэтому на данной фазе в формировании гражданских инициатив *политические факторы* стали играть всевозрастающую роль. Партийно-государственный аппарат, стремясь перехватить инициативу, стал выдвигать собственные экологические лозунги и программы.

Однако эта активность государства-партии уже не могла серьезно повлиять на характер воспроизводства экологического движения. Во-первых, оно продолжало находиться под защитой порождающей среды. Во-вторых, движение за 25 лет существования создало еще одну, *свою собственную* порождающую среду из числа своих бывших активистов, ставших теперь учеными, преподавателями, чиновниками и общественными деятелями. В-третьих, лозунг движения "У природы везде должны быть свои люди!" был воплощен в виде обширной *среды поддержки*, инкорпорированной в различные институты общества, в том числе государственные.

Тем не менее, выход движения на формирующуюся *публичную арену* был важным поворотным пунктом для процессов его воспроизводства. Возникла необходимость самоопределения по отношению ко множеству вновь возникающих зеленых организаций. Лидеры движения, вовлекаясь в политический диалог, также должны были самоопределиваться, то есть найти и закрепить нишу своего движения на этой арене.

Интенсивные публичные дискуссии и массовые кампании совместно с другими неформальными организациями стали в данный период ключевым механизмом формирования "зеленых сетей" и структурной дифференциации движения в целом.

Именно эти внешние воздействия стимулировали внутреннюю консолидацию и структуризацию движения. Все его усилия - митинги, массовые кампании, акции протеста - всегда имели в конечном счете и "воспроизводственную" цель: сохранить себя (и свой имидж) как социального актора, найти свое место в крайне подвижной тогда среде советских "неформалов". Поэтому я называю также данный тип воспроизводства движения *само-организующимся и само-поддерживающим*.

Соответственно, ключевыми ценностями, направлявшими процесс воспроизводства, были самосохранение и самоидентификация. Последняя была особенно актуальной, поскольку движение должно было найти собственное место среди множества других зеленых, начиная от партийных бюрократов и до радикальных анархистов. По той же причине и социальная рефлексия была *на-себя-центрированной*, то есть направленной на обретение и укрепление собственной социальной ниши в формирующемся гражданском обществе.

Мобилизация ресурсов все еще не была проблемой. Главным ресурсом движения оставались люди, их желания, знания и силы. Первоначальная и собственная порождающие среды продолжали снабжать движение необходимыми ресурсами. Начавшаяся дезинтеграция партийно-государственной машины и ее "приводных ремней" означали появление новых ресурсных возможностей. Кроме того, за два с половиной десятилетия своего существования движение накопило свой собственный ресурсный потенциал (знания, тактические приемы, репертуар практических действий, связи и сети). Однако появился принципиально новый вид воспроизводства и оперирования ресурсами - *борьба*, в том числе за доступ к новым источникам ресурсов.

Структура политических возможностей, формально оставаясь прежней (однопартийная система и т.п.), в действительности стремительно расширялась. Граница между дозволенным и запрещаемым уже не была универсальной, она стала размываться и зависеть от места и времени. Все большее число организаций и граждан становились экологически озабоченными. Почти каждая неформальная организация имела свою точку зрения на проблемы экологии.

Движение продолжало сохранять дистанцию от государства, хотя их пути стали пересекаться. Контакты с закордонными зелеными группами и глобальным сообществом инвайронменталистов оставались спорадическими.

Тип III: сохранительный, зависимый

Определить одним словом состояние советской системы в этой фазе чрезвычайно сложно. Базовые ценности и структуры стали размываться и распадаться. Вместо единого государства-общества мы видим множество обществ, каждое со своей доминирующей социальной парадигмой, укладом и скоростью социальных изменений. По моему мнению, ключевыми словами для определения данной фазы должны быть диверсификация, декомпозиция, мобилизация и конфликт. Главными "противниками" стали государство и гражданское общество, коммунисты и демократы, патриоты и западники. Высокий уровень политизации был присущ всем слоям общества.

Порождающая среда движения вновь сильно трансформировалась. С одной стороны, она сильно сжалась, так как многие действующие и эко-активисты стали политиками, чиновниками или вернулись к своим прежним профессиональным занятиям. С другой, она чрезвычайно расширилась, за счет возникших в этот период массовых движений протеста, которые стали выдвигать собственные экологические лозунги и формировать собственные экологические группы. Другими словами, массовый политический протест породил массовое экологическое движение, которое также быстро политизировалось. Однако ключевым сдвигом была начавшаяся *глобализация* движения, понимаемая в терминах расширения связей поддержки, обогащения своего тактического арсенала и, главное, появления потока *финансовых ресурсов* из-за рубежа.

Поскольку ключевой задачей движения на данном этапе было самосохранение, я квалифицирую тип его воспроизводства как *сохранительный*. Эта цель была достигнута двояким способом. Во-первых, движение попыталось расширить свою социальную базу, выдвинув весьма "демократический" лозунг: "Кто не против природы, присоединяйтесь к нам!" Подобная идеологическая экспансия имела целью мобилизации максимума ресурсов для поддержания ядра и имиджа движения. Во-вторых, акцент в действиях был перенесен с контактов с порождающей средой, от которой элита движения начала дистанцироваться, на поиск и укоренение в *питательной среде* государственных и частных финансовых институтов Запада. Мобилизация финансовой помощи вышла на первый план. Головные организации движения стали постепенно превращаться в финансовые насосы для откачки ресурсов с Запада. Соответственно, возникла такая форма воспроизводства движения как *выполнение "проектов"* его отдельными ячейками по грантам зарубежных фондов. В структурном плане это был завершающий этап трансформации движения в форму сетевого коллективного актора.

Тип социальной рефлексии стал двойственным. На поверхности он носил характер социальной критики, однако по сути был само-ограничивающимся и эгоистичным. То же можно сказать и о характере социальной рефлексивности: конфликты с противной стороной не носили антагонистического характера, проэкологическое социальное действие все чаще превращалось в символическое.

Структура политических возможностей в тот момент была практически безграничной. Однако это расширение ресурсных возможностей было отрефлектировано движением весьма специфически: оно, отдав часть своих кадров политике, предпочло остаться профессиональным. Поэтому и взаимоотношения движения с государством оставались двойственными. Протест и сотрудничество были двумя сторонами одной медали. Отношения со своей *alma mater* также складывались не просто: движение все более дистанцировалось от нее, формируя корпус собственных профессионалов, советников и экспертов.

Наконец, движение начало вестернизироваться: все больше контактов с родственными группами на Западе, все меньше - массовых кампаний с соотечественниками. Конец демократической "волны" в 1991 году означал постепенный возврат к воспроизводству профессионального экологического движения.

Тип IV: воспроизводящийся во враждебной среде

Современное состояние российского общества определяют по-разному: дикий или бюрократический капитализм, реставрация авторитаризма, коррумпированное или криминальное общество, но общим знаменателем всех этих характеристик является *враждебность*. Враждебность по отношению к любой форме про-экологического мышления и действия. Обе части расколотого общества - богатое меньшинство и обедневшее большинство — хотя и с разной мотивацией противятся "экологическому повороту".

В этих условиях движение прилагает все усилия к расширению и закреплению за собой как можно большего количества источников зарубежного финансирования. Наличие постоянной питательной среды *за рубежом* становится условием выживания. Вслед за обществом движение все более разделяется на две группы ячеек - имеющих и не имеющих доступа к этой среде. Последние, а это обычно провинциальные организации, в условиях углубляющейся регионализации страны и распада массовых социальных движений оказываются лицом к лицу с мощными местными/региональными властными структурами, являющимися главными держателями ресурсов. Отсюда, *доступ* к тому или иному их источнику становится определяющим фактором по отношению к способу производства ячеек движения.

На этой стадии экологическое движение как *согласованная последовательность массовых действий* практически перестает существовать. Оно трансформируется в

сеть слабосвязанных между собой ячеек, конкурирующих между собой за ограниченные ресурсы. Тем не менее, поддержание сетей между ячейками становится условием их выживания социальных акторов.

Я называю подобный тип воспроизводства движения *внешним и зависимым*, поскольку эти сети ячеек начинают функционировать как подсистемы межрегиональных и глобальных зеленых сетей. Однако изменения в самой функциональной структуре движения не менее показательны. На предыдущих фазах акции движения (массовые блокады, протесты) были направлены на и концентрировались вокруг некоторого "окончательного" решения, будь то запрет на строительство АЭС или гидроэлектростанции. Соответственно, подготовка и реализация таких акций составляла существенный механизм воспроизводства движения. Теперь, в условиях враждебного контекста такие решения практически невозможны. Поэтому последовательность скоординированных массовых действий замещается долгосрочными, а чаще бесконечными тяжами с превосходящими силами федеральных и региональных групп интересов.

Вот почему главными целями зеленых ячеек и их сетей стали самосохранение и выживание. Вот почему преобладающим типом социальной рефлексии сделался *рациональный выбор* (анализ вложений и затрат и т.п.). Ячейки экологической активности стали быстро профессионализироваться и бюрократизироваться, поскольку быть "респектабельными" и "ответственными" означало иметь больше шансов в борьбе за ресурсы воспроизводства. В общем и целом, сети этих организаций стали *маркетизироваться*, подчиняясь доминирующим тенденциям "переходного" периода. Иными словами, социальная рефлексивность движения утратила свою специфику. Конечными продуктами воспроизводственного процесса стали теперь не массовые кампании протеста, а информация, менеджерские навыки и политические технологии.

Формирование враждебного контекста означало резкое сужение политических и иных возможностей для российских зеленых организаций. Федеральные и местные власти (и группы интересов) рассматривают зеленых как смутьянов, непрофессионалов, подрывающих "народное хозяйство" и усугубляющих положение людей. Более того, государство стремится контролировать потоки ресурсов, адресуемых из-за рубежа непосредственно зеленым. Поэтому взаимоотношения зеленых с государством представляют собой затяжной конфликт перемежающийся односторонними попытками зеленых наладить конструктивный диалог.

В результате головные организации российских зеленых все менее укоренены в российской почве и все более - в глобальных сетях транснациональных зеленых организаций.

Заключение и дискуссия

Ретроспективно возникновение и поддержание социального движения - единый процесс. Только хронологически и весьма условно можно пытаться зафиксировать "начало" одного или "конец" другого процесса. С социологической точки зрения, возникновение движения есть обычно не более чем некоторое общественно значимое событие в ходе текущей активности зеленых (например, первое публичное действие, декларация о намерениях). В свою очередь, "поддержание" движения, включая его расширенное воспроизводство, почти всегда включает выдвижение новых целей, обновление политического арсенала, строительство новых сетей, равно как и трансформацию ресурсов сетей.

Способ производства движения существенно зависит от состояния общества как системы. В условиях стабильной социалистической системы и относительно высоких жизненных стандартов экодвижение воспроизводило себя как "братство", сообщество единомышленников с четкой альтруистической установкой. С возникновением дикого капитализма, основными чертами которого являются всеохватывающий риск, демодернизация и архаизация, периодические выбросы энергии распада, контрэкологическая установка большинства населения, движение способно воспроизводить себя

только как *сеть рационально организованных и прагматически ориентированных профессиональных организаций*.

Рассматриваемое производство зависит также от идеологии движения. Если в советские времена она была альтруистической, то сегодня она гораздо более эгоистична. Соответственно, стратегией выживания становятся самоподдержание и самосохранение. Выдвинутая мною ранее гипотеза, что в отличие от подобных движений в странах Звпада, где преобладают властно- и идентично-ориентированные типы стратегий [9], в "переходном" обществе преобладает стратегия самосохранения, ассоциируемая с принципом "ресурсы любой ценой" [10].

Самосохранение обеспечивается постоянными сменами тактик, включая чередование кооперации и конфликта, приближение к властным структурам и дистанцирование от них, перекрестное (множественное) членство, постоянные переключения информационных каналов. Чем лабильнее становится сетевая структура некоторой зеленой организации, тем больше шансов сохранить ее ядро. Говоря более широко, ключевым принципом ее воспроизводства в современных российских условиях является "дистанцирование на грани маргинализации", то есть практика самоограничивающего поведения, избегающего вовлечения в большую политику.

Коллективное поведение становится рациональным и прагматичным. Чтобы минимально адаптироваться к неопределенной и враждебной среде, экологические организации трансформируются из некогда неформальных сообществ в легитимные неправительственные организации с постоянным штатом чиновников, причем часть из них стремится проникнуть в структуры федеральных и местных органов власти. Такая динамика в общем и целом весьма сходна с той, которая имела место в индустриально развитых странах, в частности в США в 1970-90-х годах [11], а также в известной степени соответствует модели эволюции социального движения (*raise-and-fall pattern*), предложенной Моссом [12].

Есть и другие причины, детерминирующие воспроизводство зеленых организаций как бюрократических (в Веберовском смысле). Прежде всего это специфический менталитет, сформировавшийся в советские времена в партийно-индустриальном аппарате. Сегодня вытесненные из него чиновники и политики" создали множество квази-экологических организаций. Так или иначе, советская бюрократическая культура оказалась чрезвычайно живучей. Далее, бюрократизация организаций зеленого движения есть неустраиваемый продукт их ежедневной рутины: управленческой и коммуникационной активности, необходимости постоянного поиска и распределения ресурсов, подачи заявок на гранты и контроля за выполнением проектов по ним. Исследования и разработки, создание новых коммуникационных сетей, равно как и участие в судебных и иных тяжбах, постоянно увеличивают объем ежедневной бюрократической рутины. В конечном счете, все подобные, систематически возобновляющиеся процессы постепенно трансформировали изначальный *аматеризм* движения в профессиональный *менеджеризм*. Чем более сети российских организаций глобализируются и вестернизируются, тем более трансформация исходных целей, поворот к воспроизводству организационных структур, олигархизация становятся неизбежными [18].

Отсюда расширяющаяся сеть экологических организаций России правомерно трактовать как быстро растущий сектор *неформальной экономики* "переходного" общества. Эта сеть представляет собой формирующуюся социально-экологическую нишу молодого поколения российской интеллигенции, их семей и друзей, которое неожиданно было маргинализировано вследствие упадка институтов образования и науки.

Исключительно быстрый рост и относительное благополучие данного сектора неформальной экономики объясняется наличием благоприятных условий его формирования в прошлом. Существование порождающей среды в допереходный период и позже позволило создать и постоянно наращивать плотность сети экологических ячеек по всей территории СССР, а затем и России. Сегодня этот сектор состоит из общественных и других некоммерческих организаций, которые находятся под зонтиком больших всероссийских и международных сетевых структур, объединяемых между

собой горизонтальными кооперативными связями ресурсообмена (деньги, информация, политические ноу-хау, обмен специалистами и т.д.).

Чрезвычайно важным фактором в создании данного сектора неформальной экономики была личная мотивация. Парадоксально, но данные сети стали *архипелагом стабильной жизни* в океане потерь, стрессов и непредсказуемых изменений. В отличие от регрессивной стабилизации и негативной солидарности, присущих предприятиям государственного сектора экономики [19], большинство работников данного сектора неформальной экономики смогло следовать своим изначальным ценностям самореализации и самоорганизации и поддерживать многосторонние профессиональные связи. Ячейки этого сектора выполняют также важную функцию *адаптации* своих членов к быстро изменяющемуся контексту. Эти ячейки способны также обеспечить своим членам социальную защиту, взаимную поддержку и эмоциональный комфорт. Конечно, экоактивисты также подвержены риску, но этот риск носит сознательный и рациональный характер. В целом, этот сектор, структурируя "атомизированное" общество и связывая энергию его распада, способствует процессу экологической модернизации.

Главными продуктами производства рассматриваемой экономики являются *информация и организационное ноу-хау* в широком смысле слова. В условиях политического цинизма, всеобщего стяжательства и произвола местных властей рассматриваемые нами структуры были первыми, кто оказался способным ответить на запрос общества в более профессиональной, правдивой и локально ориентированной экологической информации. Более того, эти сетевые субъекты оказались способными выполнять функции посредников между государственными и частными организациями и институтами.

Воспроизводственный цикл рассматриваемых сетевых субъектов менялся в зависимости от внешних условий (контекста) и от развития их собственных связей. В до-реформенный период экологические организации использовали ресурсы и защиту порождающей среды для осуществления природоохранной деятельности и строительства сетей взаимоподдержки. Когда эта порождающая среда истощилась, экоактивисты создали свою собственную и, используя накопленный потенциал знаний и организационных ноу-хау, трансформировали свои организации в род *самообеспечивающихся экономик*. Они также использовали протестные акции и кампании как средство мобилизации людских и финансовых ресурсов. После распада СССР, в ходе углубляющегося экономического кризиса воспроизводственный цикл претерпел двоякое изменение: он "вестернизировался" и стал использовать ресурсы распада (безработных профессионалов, умирающие научные институты и др.).

В отличие от семейной, цеховой и некоторых других неформальных экономик, "экологическая" экономика - *современная и развивающаяся*. Ее вестернизация есть не только средство самосохранения в условиях враждебной среды, но и весьма мощный инструмент "высокой" *модернизации* рассматриваемых структур — в личностном, организационном и культурном планах. В них и вокруг сосредоточен корпус высоких профессионалов с рациональным и рефлексивным складом ума. Они обычно разделяют постматериальные ценности. Эти специалисты хорошо оснащены технически, что позволяет им включаться в глобальные сети информационного обмена и поиска ресурсов. Сам характер этих сетевых структур и тип их пользователей суть признаки высокой модернизации.

Еще два соображения относительно рассматриваемого явления. Во-первых, чем более названные организации вовлекаются в процесс принятия решений, тем более их взаимодействие с "инстанциями" приобретает характер бесконечного процесса. Чтобы участвовать в нем, зеленые организации также должны быть "процессуально организованными". Во-вторых, и это принципиально важный момент, зеленые организации, чтобы не превратиться просто в импринт государственной бюрократической машины и сохранять относительную самостоятельность, стали практиковать *систематическую трансформацию* своей структуры - из клубной формы в офисную, и - наоборот. Этот

колебательный процесс есть один из механизмов модернизации, так как выдвижение новых целей требует неформальных контактов, а мобилизация ресурсов и участие в принятии решений - более структурированных и ролевых, рефлексия по поводу достигнутых результатов — снова неформальных и т.д. Естественно, что в каждом подобном цикле реорганизуется не вся сетевая структура, а (в новой конфигурации!) какая-то ее часть. Движущей силой подобных трансформаций является элита рассматриваемых сетевых структур.

Однако есть серьезные угрозы выживанию этой неформальной экономики. Это прежде всего растущее давление государственных и частных монополий, стремящихся к стабилизации общества путем его архаизации, перевода его на более низкий уровень организации. Далее, это наличие уже известного нам обширного контрмодернизационного проекта сохранения социальной среды. Наконец, это продолжающийся выброс гигантских масс энергии социального распада, которые могут полностью разрушить хрупкую структуру этой экономики. Поэтому ее перспективы пока достаточно неопределенны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Здравомыслова Е.А.* Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб.: Наука, 1993.
2. *Валлерстайн И.* Социальное изменение вечно? Ничто никогда не изменяется? // Социол. Исслед., 1997, № 1, С. 8-21.
3. *Gamson W.* The Strategy of Social Protest Homewood, IL: Dorsey Press, 1975; *Johnston, H. and Klandermans, B.* The Cultural Analysis of Social Movements, pp. 3-24 // Social Movements and Culture edited by H. Johnston and B. Klandermans. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1995; *Klandermans, B.* The Social Construction of Protest and Multiorganizational Fields, pp. 77-103 // Frontiers in Social Movement Theory, edited by A.D. Morris and C.M. Mueller. New Haven and London: Yale University Press, 1992; *Kriesi, H.* The Political Opportunity Structure of New Social Movements: Its Impact on Their Mobilization, pp. 167-198 // The Politics of Social Protest. Comparavtive Perspectives on States and Social Movements, edited by J.C. Jenkins and B. Klandermans. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1993.
4. *Tarrow S.* Democracy and Disorder. Protest and Politics in Italy, 1965-1975. Oxford; Clarendon Press, 1988.
5. *Yanitsky O.* Environmental Initiatives in Russia: East-West Comparisons, pp. 120-145 // Environment and Democratic Transition. Policy and Politics in Central and Eastern Europe, edited by Anna Vary and Pal Tamas. Dordrecht/Boston/London: Kluwer Academic Press, 1993.
6. *Beck U.* The Reinvention of Politics: Towards a Theory of Reflexive Modernization, pp. 1-55 in Beck U., Giddens A., Lash S. // Reflexive Modernization. Politics Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. Stanford, CA: Stanford University Press, 1994.
7. *Яницкий О.Н.* Модернизация в России в свете концепции "общества риска" // Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии / Под ред. акад. Заславской Т.И. М.: Моск. высш. школа социальных и экон. наук / Интерцентр, 1997, С. 37-48.
8. *Яницкий О.Н.* Экологическое движение в России. Критический анализ. М.: Ин-т социологии РАН, 1996.
9. *Rucht D.* The Strategies and Action Repertoires of New Movements, pp. 156-175 // Challenging the Political Order: New Social and Political Movements in Western Democracies edited by R.J. Dalton and M. Kuechler. Cambridge, MA: Polity Press, 1990.
10. *Yanitsky O.* The Ecological Movement in Post-Totalitarian Russia: Some Conceptual Issues // Society & Natural Resources, 1996, № 9, P. 65-76.
11. *Dunlap R.E. and Mertig A.G.* The Evolution of the U.S. Environmental Movement from 1970 to 1990: An Overview. Pp. 1-10 // American Environmentalist!! The U.S. Environmental Movement, 1970-1990, edited by Dunlap, R.E. and Mertig, A.G. Philadelphia: Taylor & Francis, 1992.
12. *Mauss A.L.* Social Problems as Social Movements. Philadelphia: J.B. Lippincott, 1975.
13. *Zald M.N. and Ash R.* Social Movement Organizations: Growth, Decay and Change, pp. 121-141 // Social Movements in an Organizational Society, edited by M.N. Zald and J.D. McCarthy. New Brunswick and London: Transaction Publishers, 1987.